

КРЕМЛЕВСКИЕ ТЕЛО ХРАНИТЕЛИ

СТЕПАН ГИЛЬ

**ШЕСТЬ ЛЕТ
С ЛЕНИНЫМ**

ПАВЕЛ МАЛЬКОВ

**ЗАПИСКИ
КОМЕНДАНТА
КРЕМЛЯ**

Записки кремлевских телохранителей

Павел Мальков

**Шесть лет с Лениным. Записки
коменданта Кремля (сборник)**

«Алисторус»

2016

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

Мальков П. Д.

Шесть лет с Лениным. Записки коменданта Кремля (сборник) /
П. Д. Мальков — «Алисторус», 2016 — (Записки кремлевских
телохранителей)

ISBN 978-5-906861-99-3

Авторы этих воспоминаний имели непосредственное отношение к охране Кремля и высших руководителей государства. Павел Мальков был первым кремлевским комендантом с марта 1918 по апрель 1920 года. Он часто встречался с В.И. Лениным, Я.М. Свердловым, Ф.Э. Дзержинским и другими видными деятелями советского руководства. Степан Гиль являлся персональным водителем и охранником Ленина, а после его смерти служил у Микояна и Вышинского. В своих записках П. Мальков и С. Гиль рассказывают много интересного о служебной деятельности и личной жизни кремлевских вождей – прежде всего В.И. Ленина. Эти записки тем любопытнее, что дополняют друг друга: например, С. Гиль был главным свидетелем известного покушения Фанни Каплан на Ленина, а П. Мальков потом ее допрашивал и лично расстрелял. В ряде других эпизодов у читателя также имеется возможность сравнить воспоминания этих двух людей, близко знавших Ленина.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-906861-99-3

© Мальков П. Д., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

П.Д. Мальков	7
Комендант Смольного	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Степан Казимирович Гиль, Павел Мальков
Шесть лет с Лениным.
Записки коменданта Кремля

© Гиль С.К., Мальков П.Д., правообладатели, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

П.Д. Мальков

Записки коменданта Кремля

Комендант Смольного

29 октября 1917 года Военно-революционный комитет утвердил меня комендантом Смольного. Через несколько дней выдали мне документ:

«Военно-революционный комитет постановил: комендантом Смольного института назначить тов. Малькова. Его помощником по внутренней охране тов. Касюра.

Помощником по составлению личного состава назначается тов. Игнатов.

За председателя Ф. Дзержинский».

Так я стал комендантом Смольного. Пришлось принимать дела, хотя принимать особо было и нечего. Собрал я человек тридцать матросов, примерно столько же красногвардейцев и начал организовывать охрану Смольного.

Смольный по-прежнему так и кипит. Здесь Ленин. Здесь другие члены Центрального Комитета большевиков. Здесь руководство Центрального Исполнительного Комитета Советов, Петроградский Совет и Военно-революционный комитет. Тут же различные общественные организации, профсоюзы, редакции газет и журналов.

Внизу, на первом этаже, в комнате № 31 – комендатура. Рядом – караульное помещение. Всего нас в охране человек шестьдесят – семьдесят матросов и красногвардейцев, а сколько одних постов выставить надо, да надежных, крепких. Здание-то огромное. Ответственность и того больше.

Впрочем, посты бы еще полбеды, справиться можно, но дело постами не обходится: надо и арестованных охранять, и продовольствие для Смольного добывать, и об отоплении заботиться, и выдачу пропусков организовывать – одним словом, забот у коменданта больше чем достаточно. А тут еще то одно поручение, то другое, ничего общего со Смольным не имеющее. И все важные, все неотложные. То Военно-революционный комитет предписывает двинуть броневик на разоружение трех рот и пулеметной команды женского батальона в Левашове, по Финляндской железной дороге; то делегирует меня вместе с Дзержинским в комиссию по распределению помещений в Петрограде; то надо идти винные склады по городу ликвидировать; то в Зимнем дворце порядок наводить – что ни день, то новое дело. Но главное – Смольный, за Смольный с меня первый спрос, охрана Смольного – первая обязанность. А ее, по существу, приходилось налаживать заново. Я взялся было за расстановку постов, только куда их ставить и в каком порядке, сам черт не разберет. Одно очевидно – существующая расстановка постов никуда не годится. Ворот в Смольном много, а охраняются далеко не все, кто хочет, тот в Смольный и идет, прямо проходной двор получается.

Решил я, чтобы получше разобраться, обойти все посты. Пошел по зданию: чудеса, да и только. Смольный делится на две части: Николаевская, меньшая, и Александровская, большая. В Николаевской разместились Совнарком, ВЦИК, ВРК и прочие советские учреждения, Александровская же, оказывается, занята старыми классными дамами Смольного института благородных девиц, бывшими воспитательницами да несколькими институтками, по той или иной причине застрявшими в институте. Одним словом, осиное гнездо, да и только. Даже старая начальница Смольного, водившая дружбу с императорской фамилией, тут же. Комната ее чуть не по соседству с Совнаркомом и Военно-революционным комитетом.

Заглянул в подвал – час от часу не легче! И там полно жильцов: старая прислуга Смольного, швейцары, судомойки, прочая публика. Народ, одним словом, ненадежный.

Ходил я, ходил по Смольному, как вдруг во дворе, возле одного из входов Александровской половины встречаю двух офицеров. Оба расфранченные, усы напوماжены, одеколоном за версту разит. Я к ним:

– Откуда такие взялись? Пропуск!

Они остановились. Один, помоложе, окрысился было, да старший его за рукав дернул: не связывайся, мол, с матросом шутки плохи.

Предъявляют пропуска, все чин по чину: печать, подпись.

– Кто, – спрашиваю, – пропуска вам выдал? К кому? По какой надобности?

Младший опять сорвался:

– А тебе, собственно говоря, зачем об этом знать? Ты-то кто такой? Пропуск тебе предъявили, и хватит. Проваливай, откуда пришел.

– Ах, вы так, ваши благородия! Ну что ж, познакомимся. Я – комендант Смольного, а вот кто вы такие, сейчас разберемся. Не пожелали добром говорить, не надо. Марш в семьдесят пятую комнату, там выяснят, что вы за птицы...

С господ офицеров вся спесь мигом слетела. Семьдесят пятая комната Смольного института, где помещалась Следственная комиссия, с первых дней революции приобрела грозную славу среди буржуазии, офицерья и прочей подобной публики. Младший из офицеров совсем растерялся, залопотал что-то несурзное, а старший пустился в объяснения:

– Позвольте, господин комендант, позвольте! Это же просто недоразумение. Зачем в семьдесят пятую? Извольте, мы все объясним. Тут, видите ли, вопрос интимный, для чего же шум поднимать? Мы с поручиком, так сказать, с визитом к знакомым дамам. Они, знакомые то есть, и пропуска нам получили.

Я опешил.

– К дамам? Это к каким же дамам? Уж не к воспитательницам ли? Так там самой молодой лет за пятьдесят, наверное. Что у вас с ними за дела? Не кругло, господа, получается.

– Зачем же к воспитательницам? Мы, с вашего позволения, к собратьям, пардон, к сестрам по оружию, в штаб ударниц. Там, разрешите доложить, замечательное общество. Усиленно рекомендую обратить внимание, господин комендант. В случае чего почту за честь лично рекомендовать. Слово офицера – не пожалеете!

Ах ты, думаю, собачий сын. На свой похабный аршин меряешь! Отобрал у офицеров пропуска, выгнал их со двора и пошел проверять, что еще за штаб ударниц такой объявился в Смольном.

Оказывается, в нижнем этаже Александровской половины действительно разместился штаб женских ударных батальонов. И как я раньше не обнаружил? Хорош комендант! Девушки там подобрались одна отчаяннее другой. Называется штаб, а на деле суший притон.

Доложил я эту историю Николаю Ильичу Подвойскому. Так и так, говорю, в сутолоке и горячке первых дней недоглядел, «Да что уж тут, – отвечает Николай Ильич, – и мы в Ревкоме прохлопали. Ничего, поправим». Через пару дней появился приказ: расформировать всякие женские батальоны и ликвидировать их штабы.

* * *

Прогнали ударниц из Смольного, а я между тем занялся проверкой порядка выдачи пропусков. Проверил. Выдает пропуска, оказывается, кто угодно и кому угодно. Выписывают-то их в комендатуре, но кто выписывает? Писаря, которые сидят в комендатуре с дооктябрьских дней, набраны из военных писарей царской службы. Писари же да фельдфебели – первые шкуры, вечно около начальства терлись, это каждый матрос и солдат знает. Пойди разберись, кому эти писари дают пропуска.

Вижу, так дальше нельзя. Какая уж тут охрана? Пошел к Дзержинскому. Надо, мол, Феликс Эдмундович, меры принимать. В тот же день Военно-революционный комитет вынес постановление: расформировать весь наличный состав комендатуры Смольного. На следующий – другое: коменданту Смольного еще раз тщательно осмотреть все здание, выставить надежную охрану и доложить.

Посоветовался я с Бонч-Бруевичем, управляющим делами Совнаркома, собрал несколько человек моряков из охраны, самых сметливых, и двинулись мы в капитальный обход Смольного. Облазили здание снизу доверху, все осмотрели, записали и представили подробную докладную записку: «В Военно-революционный комитет. Об охране Смольного института».

Нарисовав детальную картину положения в Смольном, мы предложили следующие меры:

«1. Выселить из основного здания Смольного все посторонние элементы.

2. Проверить штат прислуги.

3. Создать коллегия из представителей ответственных работников отделов, представителей Красной гвардии, матросов и комендатуры для общего наблюдения за охраной и порядком в Смольном институте, причем число членов этой коллегии не должно превышать десять человек.

4. Реорганизовать комендатуру, изгнав контрреволюционную часть, и привлечь к участию в ней представителя от упомянутой в предыдущем пункте коллегии».

Не откладывая дела в долгий ящик, 2 ноября 1917 года Военно-революционный комитет обсудил доклад об охране Смольного института. 29 октября вопрос о моем назначении комендантом Смольного решался на ходу, несколькими членами ВРК, теперь Военно-революционный комитет утвердил меня официально и предоставил мне право набрать служебный штат комендатуры с последующим утверждением его ВРК. Одновременно Военно-революционный комитет решил выселить из Смольного института все ненадежные элементы.

Легко сказать, набрать штат комендатуры, а как его наберешь? Где? Пришлось опять идти к Дзержинскому за помощью. Выслушал меня Феликс Эдмундович и говорит:

– Дело не легкое. Люди везде нужны. Так что на многое не рассчитывай. Несколько человек покрепче возьмем из Кронштадта. Вместе с теми матросами, что пришли в Смольный с тобой, они составят основной костяк комендатуры, его ядро. Ну, а в остальном поможет Красная гвардия.

Сел Феликс Эдмундович к столу, набросал несколько слов на листке бумаги и протянул мне:

– На, двигай в Кронштадт за подмогой.

Я прочитал:

«В КРОНШТАДТСКИЙ МОРСКОЙ КОМИТЕТ

4 ноября 1917 г.

Прошу назначить семь человек матросов для обслуживания Смольного института.

Предс. Дзержинский».

– Семь? Маловато будет, Феликс Эдмундович...

– А ты думал, семьдесят тебе дадим?

Взял я бумагу, расписался на копии «Подлинник получил. Комендант Мальков» и отправился в Кронштадт.

С кронштадтцами дело уладил быстро. Договорились, что народ они подберут самый надежный и завтра же пришлют в Смольный.

– Ну, а ты-то сам как? – вдруг спрашивают. – У тебя как дела?

– У меня? Сами видите мои дела. Налаживаю охрану Смольного.

– Это мы видим, да не о том речь. Ведь ты же на «Диане» числишься, а застрял в Смольном. Надо как-то оформить, а то неладно получается.

Действительно, правы товарищи. Я об этом и не подумал, не до того было. А что получается? Состою на действительной военной службе, матрос первой статьи крейсера «Диана», а на крейсере свыше двух недель не был! Вроде дезертир.

Вернулся в Смольный, улучил удобный момент и обратился к Феликсу Эдмундовичу: надо, мол, мне оформляться чин по чину, а то нехорошо получается.

Он согласился: ну что ж, оформим. Тут же Дзержинский написал два документа, сам подписал, дал подписать Гусеву и вручил мне.

Первый документ:

«6 ноября 1917 г.

В центральный комитет Балтийского флота.

По распоряжению Военно-революционного комитета матрос Павел Мальков оставлен в Петрограде в качестве коменданта Смольного института.

За председателя Дзержинский

Секретарь Гусев».

И второй, того же содержания, в судовой комитет крейсера «Диана». Так кончилась моя морская служба.

Грустно, конечно, было расставаться с морем, с товарищами, с кораблем – как-никак без малого шесть лет на «Диане» проходил, но раз надо – значит надо. А с другой стороны, какая там грусть? Старая жизнь и старая Россия полетели кувырком, в преисподнюю.

* * *

Между тем, охрана Смольного постепенно налаживалась. Военно-революционный комитет установил строгий порядок выдачи пропусков, возложив это дело на комендатуру. Постоянные пропуска выдавались сроком на один месяц, по спискам от организаций и отделов, находящихся в Смольном. По истечении месяца они отбирались и заменялись новыми. Лица, непричастные к Смольному, получали разовые пропуска только по предъявлении документов, не так, как раньше, когда пропуск мог получить кто угодно, хоть вовсе без документов.

В середине ноября Военно-революционный комитет принял специальное постановление об организации караульной службы в Смольном. В этом постановлении подчеркивалось, что все караулы Смольного и все дежурства подчиняются коменданту Смольного института; караульные начальники обязаны являться к коменданту для докладов и для получения инструкций. Были введены постоянные постовые ведомости, которых раньше не было.

Удалось наконец, хоть и не сразу, хоть и не без труда, очистить Смольный от посторонних жильцов, от всех этих классных дам, воспитательниц, институток, прислуги и прочей публики.

12 ноября 1917 года я был назначен комендантом Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Съезд открылся 23 ноября в Петрограде. Заседал он то в помещении городской думы, то в бывшем императорском училище правоведения, на Фонтанке, а заканчивал свою работу в Смольном. Возни со всякими делами, связанными со съездом, было достаточно.

Как-то раз в дни заседаний крестьянского съезда вызывает меня Яков Михайлович Свердлов, к тому времени уже избранный председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

– Товарищ Мальков, как у вас с очисткой от посторонних Александровской половины Смольного? Помнится, Военно-революционный комитет выносил такое постановление.

– Постановление было, Яков Михайлович, только, так сказать, в принципе. Практически еще не выселили. Да и куда их девать? Вон их сколько...

Яков Михайлович нахмурился.

– Это плохо, когда практические дела расходятся с принципами. Придется вам поторопиться. Александровская половина Смольного нам нужна, мы в ней разместим Исполнительный Комитет, который будет избран крестьянским съездом. Надо к окончанию съезда очистить помещение и привести его в порядок, так что поспешите. Что же касается классных дам, то в Петрограде помещений хватит. Проверьте, нельзя ли их переселить в Александро-Невскую лавру или в Ксеньинский институт. Он ведь своего рода младший брат Смольного. Одним словом, надо сделать, и сделать быстро.

Раз надо – значит надо. Послал я несколько человек матросов в лавру, только ничего хорошего из этого не вышло. Монахи их встретили чуть не с пулеметами. Даже во двор не пустили. И разговаривать не стали. Ребята кричат монахам: «Вы же христиане, Христос велел любить ближнего, так приютите божьих старушек!» Куда там, и слушать не хотят.

Махнул я рукой на лавру, решил не связываться. Устрою, думаю, своих жильцов в Ксеньинском институте. Заведение-то действительно Смольному сродни.

В Ксеньинский послал я на переговоры одну из наиболее энергичных классных дам. Люди они, думаю, свои, скорее договорятся. Не тут-то было! Как только директор Ксеньинского института услышал, зачем к нему пожаловала представительница Смольного, замахал руками и отказал наотрез: «Помилуйте, – говорит, – и помещения-то у нас нет и своих девать некуда, не то что двести – триста человек, а и десятка взять не можем. Рады бы, да некуда».

Прямо из Ксеньинского явилась эта дама ко мне, чуть не плачет. Не то чтобы ей уж очень хотелось из Смольного уезжать, нет, но обидно было такой отказ получить, И от кого? От своих же, которых всегда смольненцы держали за «бедных родственников».

Выслушал я ее и успокоил: ничего, мол, не огорчайтесь, у вас не вышло, так мы попробуем. Авось с нами этот директор будет поговорчивее! Вызвал своего помощника и велел ему тотчас ехать в Ксеньинский институт.

– Передай, – говорю, – директору, что ежели у него, в Ксеньинском, не найдется места для благородных девиц и прислуги из Смольного, так мы у себя, в Смольном, найдем место для него, а найдем сразу же, сегодня, самое надежное...

Не прошло и часа, возвращается мой помощник обратно. Ну, говорит, и комедия. Чистый цирк! Директор Ксеньинского согласен не только всех классных дам и прислугу разместить, а и еще кого-нибудь в придачу. Представительница Смольного его-де не так поняла, он просто шутил, а она приняла шутку всерьез и зря беспокоила господина коменданта.

Дипломатические переговоры с Ксеньинским институтом были успешно завершены, и через день мы начали эвакуацию наших соседок.

Наконец-то Смольный был очищен от посторонних. Освободилась не только Александровская половина, но и полуподвальный этаж, помещение в общем вполне приличное. Туда решили перевести арестованных. Их, правда, в Смольном было немного, но кое-кто имелся.

Вообще с этими арестованными морока была немалая. В комнату № 75, где работала Следственная комиссия, приводили отъявленных контрреволюционеров, белогвардейцев, офицеров, юнкеров. Порой, бывало, и просто подозрительную публику. Комиссия разбиралась: кого задерживала, а большинство сразу отпускала на все четыре стороны. Поначалу мы были очень доверчивы и многих, даже матерых зубров, отпускали под честное слово. Отпустили самого генерала Краснова, руководителя первого мятежа против Советской власти, захваченного в Гатчине. А он, дав слово не воевать против Советов, вышел на свободу и был таков. Удрал на Дон и стал во главе тамошней белогвардейщины. Вот тебе и офицерская честь, генеральское честное слово!

Или Гоц, эсеровский вождь. Его поймали, когда он пытался пробраться из Петрограда в Гатчину, к Керенскому. Привели в Смольный, предложили явиться в комнату № 75, в Следственную комиссию. Он дал слово, что тут же явится.

Только его без охраны оставили, он и улизнул.

О тех, кого отпускали, у комендатуры забот было мало. Отпустили и отпустили. Это дело Следственной комиссии, не наше, не комендантское. С задержанными иначе. Некоторых из них отправляли в Петропавловскую крепость или в Кресты (так называлась одна из петроградских тюрем), а кое-кого оставляли в Смольном. Эти целиком были на ответственности комендатуры. И разместить их надо, и ночлег организовать, и питание, и, конечно, охрану. А они капризничают: того не хочу, этого не желаю, известно – बारे. Родственники без конца за справками обращаются, и все в комендатуру. Свиданий требуют. Продукты арестованным тащат, белье, постели – хоть специальных людей на это ставь...

* * *

Немало хлопот доставляли мне вопросы продовольствия, отопления. В Петрограде не было продуктов, не было дров. Город жил впроголодь. Из окон роскошных барских особняков торчали короткие, изогнутые коленом трубы «буржук» – небольших железных печурок, дававших тепло только тогда, когда топились. Их ненасытные пасти поглощали стильную мебель красного дерева, шкафы мореного дуба, дорогой паркет, и все равно в квартирах стоял собачий холод.

Частенько мерзли и мы в Смольном, мерзли в своих кабинетах наши руководители, мерз Ленин. Уголь и дрова доставались ценой героических усилий, но порою в доставке бывали перебои, а зима, как назло, выдалась лютая.

Нелегко было в Смольном и с продовольствием. Смольный питался так же, как и весь рабочий Питер. Для сотрудников Смольного была организована столовая, в которой мог получить обед и любой посетитель, лишь бы он имел пропуск в здание. Здесь, в этой столовой, питались и руководители ВЦИК, и ВРК, и наркомы, забегавшие из своих наркоматов в Смольный.

Столовую обеспечивали продуктами продовольственные отделы ВРК и Совета, а что это были за продукты? Пшено да чечевица, и то не каждый день. Бывало, в тарелке с супом можно было по пальцам пересчитать все крупинки, причем вполне хватало пальцев на руках. Второго же не было и в помине.

Особенно тяжело было ответственным товарищам, работавшим чуть не круглые сутки напролет, на пределе человеческих сил, без отдыха. А ведь у многих из них здоровье было подорвано тюрьмой, годами тяжких лишений. Каково им-то было вечно недоедать, недосыпать? Кое у кого дело доходило до голодных обмороков.

В конце 1917 года вызвал меня Яков Михайлович и велел организовать в Смольном небольшую столовую для наркомов и членов ЦК. Нельзя, говорит, так дальше. Совсем товарищи отошались, а нагрузка у них сверхчеловеческая. Нужно народ поддержать. Подкормим хоть немногих – тех, кого сможем.

Организовал я столовую. Обеды в ней были не бог весть какие: то же пшено, но зато с маслом. Иногда удавалось даже мясо достать, правда, не часто. Но все-таки наиболее загруженных работников и тех из товарищей, у кого особенно плохо было со здоровьем, поддерживали.

Комендатура делами столовой не занималась, но довольствие охраны лежало на нас. Вот тут-то и приходилось туго. Первое время, когда основное ядро охраны составляли матросы, было немного полегче. Нет-нет, но то с одного, то с другого корабля продуктов подкидывали. В складах морского интендантства кое-что имелось, и флот до поры до времени снабжали. Матросов, однако, становилось в охране все меньше и меньше: кому давали самостоятельные поручения, кто уходил драться с Калединым, поднявшим восстание на Дону, с Дутовым под

Оренбург; на Украину. Связь с кораблями постепенно ослабевала, и с продуктами становилось все труднее и труднее. Сплошь и рядом самому приходилось воевать с продовольственниками, чтобы хоть чем-то накормить людей.

Иногда, правда, выдавались счастливые случаи, когда при ликвидации какой-нибудь контрреволюционной организации, тайного притона или шайки спекулянтов (нам постоянно приходилось участвовать в таких операциях) мы обнаруживали нелегальные склады продовольствия, которые тут же реквизировали. Один раз захватили 20 мешков картофеля, другой – большой запас сухарей, как-то – 2 бочонка меда, всяко бывало. О каждой такой находке я докладывал Ревкому, и иногда некоторую часть продуктов передавали в продовольственный отдел Смольного, остальное же – в городскую продовольственную управу.

Особенно повезло нам как-то раз с халвой. Разузнал я, что в одном из пакгаузов Николаевской железной дороги давно лежит около сотни ведер халвы, а хозяин исчез, не обнаруживается.

Я тут же доложил Варламу Александровичу Аванесову, секретарю ВЦИК и одному из руководителей Ревкома. Надо, говорю, подумать, как быть с той халвой.

– А что тут думать, – отвечает Аванесов, – пропадать добру, что ли? Тащи халву сюда, будем хоть чай с халвой пить.

В тот же день провел он это решение в Ревкоме, и я доставил в Смольный чуть не целую подводу халвы.

А то конфисковали один раз 80 подвод муки. Привезли в Смольный и сложили мешки штабелем в одной из комнат, вроде склада получилось. Выставил я охрану из красногвардейцев, велел никого до мешков не допускать, а сам доложил Ревкому.

Обычно Ревком такие вопросы быстро решал, а на этот раз дело что-то затянулось. Лежит себе мука и лежит, пост рядом стоит, будто все в порядке. Только зашел я как-то в караульное помещение, что такое? В комнате – чад, блинами пахнет, да так аппетитно – слюнки текут. Глянул, а ребята приспособились, достали здоровенную сковороду и на «буржуйке» лепешки пекут.

– Это, – спрашиваю, – что такое?

Молчат. Наконец один молодой парень, путиловец, шагнул вперед.

– Товарищ комендант, может, и нехорошо, по ведь жрать хочется, спасу нет, а мука – вот она, рядом лежит. Все равно нашему же брату пойдет, рабочему. Не буржуйкам ведь? Ну, мы и того, малость реквизируем...

Он замялся а замолчал, и я молчу. Что ему скажешь? Вроде должен я их изругать, может, даже наказать, а язык не поворачивается; сам знаю, изголодались ребята.

– Насчет муки понятно, а масло откуда?

– Масло? Так это масло не простое, святое вроде... Мы его в здешней церкви нашли (в Смольном была своя церковь, я велел стащить в нее всю ненужную мебель).

– В церкви?..

– В церкви, товарищ комендант. Там, почитай, все лампы были полные, ну мы их и опорожнили.

– Ну, – говорю, – раз в церкви, тогда дело другое. «Святую» лепешку и мне не грех бы отвесть!

Все разом заговорили, задвигались, уступили место возле «буржуйки». Лепешки оказались вполне съедобными. Я ребятам сказал: жарить жарьте, но домой – ни-ни, ни горстки муки! Они меня заверили, что и сами понимают. Еще несколько дней красногвардейцы питались лепешками, а там муку увезли, и праздник их кончился.

* * *

Бурный темп событий первых дней революции постепенно сменялся не менее напряженным, не менее страстным, но более организованным, более планомерным движением вперед, созидательной работой по закладке основ новой жизни. Выработывался опыт, рождались традиции.

Вездесущий в первые дни революции Военно-революционный комитет – боевой штаб вооруженного восстания и первый орган государственной власти рабочих и крестьян – уступал постепенно свое место вновь создаваемым органам Советского государства. После победы пролетарской революции одна функция за другой от ВРК отходила, и он стал исполнительным органом Совнаркома и ВЦИК. Основными задачами ВРК были теперь борьба с контрреволюцией и наведение революционного порядка в стране и столице. Прошло немного времени, и Военно-революционный комитет изжил себя. В декабре 1917 года по инициативе Ленина была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, возглавленная славным рыцарем революции, пламенным большевиком Феликсом Эдмундовичем Дзержинским.

Быт Смольного как зеркало отражал происходившие изменения. Жизнь налаживалась, входила в нормальную колею. Становилось ясно, что поддерживать необходимый порядок и нести охрану Смольного силами матросов (которых почти не осталось) и красногвардейцев невозможно. При всей своей преданности революции, стойкости и дисциплине красногвардейцы не обладали ни достаточными военными знаниями, ни опытом несения караульной службы. Обучить охрану из красногвардейцев военному делу, привить ей твердые знания обязанностей часового на посту, выработать необходимые навыки не было никакой возможности. Как и чему можно было научить красногвардейца, пришедшего для охраны Смольного со своим отрядом с завода или фабрики на 3–5 дней, самое большее на неделю, и опять возвращавшегося на завод? Едва успевал он получить элементарное представление о караульной службе, как на его место приходил уже новый, которого нужно было учить заново.

Постоянная текучка в личном составе охраны Смольного таила в себе и другое. Как ни тщательно партийные комитеты и завком и отбирали красногвардейцев для охраны Смольного, никогда нельзя было быть уверенным, что в отряд не затешется какой-либо ловкий негодяй, контрреволюционер. Мы же, коренной состав охраны и ее руководители, не имели возможности не только проверить или изучить людей, которым доверялась охрана Смольного, но даже поверхностно познакомиться с ними, узнать их в лицо. Не проходило дня, чтобы я, обходя посты, не наталкивался на часовых, которых ни я не знал, ни они меня не знали. Сплошь и рядом на этой почве возникали самые нелепые недоразумения, бесконечные конфликты. То я или мои помощники хватали и тащили упиравшегося часового в комендатуру, приняв его за постороннего, то часовой наставлял мне штык в грудь, пытаясь меня арестовать. Просто не хватало терпения.

Поговорил я с Подвойским, ставшим теперь Народным комиссаром по военным делам, с Аванесовым, Дзержинским. Надо, мол, что-то с охраной Смольного делать, нельзя так дальше.

Уговаривать никого не пришлось: все не хуже меня понимали, что красногвардейцам трудно нести охрану Смольного, что нужна воинская часть, но такая, которая сочетала бы в себе красногвардейскую пролетарскую закалку и преданность революции с опытом и знаниями кадровых военных.

Среди войск Петроградского гарнизона найти часть, где преобладал бы пролетарский состав, вряд ли было возможно. Большинство солдатской массы составляли крестьяне, не имевшие той пролетарской и революционной закалки, что заводские рабочие. Да и существо-

вали ли вообще в армии такие части, где основным костяком, основной массой были бы кадровые рабочие?

Я не говорю про матросов, про технические подразделения вроде автоброневого, где процент рабочих был всегда велик. По своему составу они, конечно, подошли, бы, но все такие части были, как правило, малочисленны и выделить из их состава необходимое количество (а нужно было человек 300–400, не меньше) не было никакой возможности, тем более тогда, в конце 1917 года, когда старая армия разваливалась, когда шла стихийная демобилизация, а до создания новой, рабоче-крестьянской армии было еще далеко...

Кому именно пришла в голову мысль возложить охрану Смольного института на латышских стрелков: Свердлову или Дзержинскому, Подвойскому или Аванесову, а может быть, самому Ленину, я не знаю, но решение было принято, и Исполнительному Комитету латышских стрелков (Исколастрел, как его сокращенно называли) было приказано направить в Смольный 300 лучших бойцов для несения караульной службы.

К началу 1918 года количество это было доведено до 1000 человек. Затем часть людей была демобилизована, оставался только тот, кто добровольно хотел продолжать нести службу, и к марту 1918 года в Смольном насчитывалось около 500 латышских стрелков.

Это они, мужественные латышские стрелки, вслед за героическими красногвардейцами Питера и доблестными моряками Балтики выполняли в суровую зиму 1917/18 года, вечно впроголодь, самые сложные боевые задания сначала Военно-революционного комитета, затем ВЧК, Совнаркома и ВЦИК.

Это они, красноармейцы, матросы и латышские стрелки, бдительно несли охрану цитадели революции – Смольного, охрану первого в мире Советского правительства, охрану Ленина!..

* * *

Кабинет Ленина наверху, на третьем этаже Смольного. Вход – через небольшую приемную, разделенную на две части простой, незатейливой перегородкой вроде перил: несколько точеных столбиков, на них деревянные поручни, и все. За перегородкой, у маленького столика, секретарь Совнаркома, Он регулирует прием – вызывает к Ленину одних, пропускает других, просит обождать третьих.

Возле столика секретаря дверь в кабинет Ленина – тоже небольшую светлую комнату. Там – письменный стол, несколько стульев, книжный шкаф. Ничего лишнего, никакой роскоши. Все просто, скромно, как сам хозяин кабинета.

Работал Ленин бесконечно много, не знаю, спал ли он и когда. В 10 часов утра он неизменно был у себя в кабинете, днем выезжал на фабрики, заводы, в солдатские казармы, выступал почти ежедневно. Вечером снова в кабинете часов до 4–5 утра, а то и всю ночь. И так день за днем, сутки за сутками. Нередко, обходя под утро посты, я осторожно приоткрывал дверь в приемную и видел дремлющего возле стола секретаря или дежурную машинистку Совнаркома – значит, Ленин еще не ушел, еще работает, а ведь скоро утро.

Квартиры у Ленина в Петрограде не было: по возвращении из эмиграции в апреле 1917 года он поселился с Надеждой Константиновной у своей сестры Анны Ильиничны Елизаровой. Недели через две после революции, когда я был уже комендантом Смольного, внизу, в комнате какой-то классной дамы, мы оборудовали жилье для Ленина и Крупской. Это была небольшая комната, разгороженная пополам перегородкой. Вход был через умывальную с множеством кранов, здесь раньше умывались институтки. В комнате – небольшой письменный стол, диванчик да пара стульев, вот и вся обстановка. За перегородкой простые узкие железные кровати Владимира Ильича и Надежды Константиновны, две тумбочки, шкаф. Больше ничего.

Прикомандировал я к «квартире» Ильича солдата Желтышева. Он убирал комнату, топил печку, носил обед из столовой: жидкий суп, кусок хлеба с мякиной и иногда каша – что полагалось по пайку всем. Бывало, Ильич и сам шел вечером в столовую за супом. Несколько раз я встречал его с солдатским котелком в руке.

Потом, когда организовалась совнаркомовская столовая, стало немного лучше. В это же время за квартирой Ильича начала присматривать мать одного из старейших питерских большевиков – Александра Васильевича Шотмана, специально приходившая в Смольный. Она взяла под свое руководство Желтышева, наводила чистоту, следила за питанием Ильича.

Ильич был необычайно скромен и непритязателен. Очень редко он обращался к кому-либо с личными просьбами, а если и просил что-нибудь для себя, то именно просил, а не требовал, неизменно вежливо, деликатно, явно не желая обременять кого-либо своими личными нуждами.

Сию я как-то у себя в комендатуре, вдруг открывается дверь – на пороге Владимир Ильич, в шубе, шапке, как видно, едет на собрание или на митинг. В руках небольшая изящная деревянная шкатулка.

– Товарищ Мальков, у вас найдется пара минут?

Я вскочил.

– Владимир Ильич, да я...

Он замахал рукой.

– Сидите, сидите. Я ведь по личному делу.

Вид у Ильича какой-то необычный, пожалуй, даже чуть-чуть смущенный. Бережно протягивает мне шкатулку.

– Если вам не трудно, откройте эту шкатулочку, никак у меня не получается. Только, пожалуйста, осторожно, поаккуратнее, не испортите. Я очень дорожу ею, тут письма от моей мамы.

«От мамы» – так и сказал!

– Владимир Ильич, я сейчас же сделаю.

– Зачем же сейчас? Что вы? Когда время найдется, тогда и откроете. Сейчас я все равно уезжаю. Только, пожалуйста, сегодня. Пока поберегите ее, а когда вернусь, тогда и отдадите.

Владимир Ильич ушел, а я принялся за шкатулку. Взял ее бережно, осторожно, не только что поцарапать, старался не дышать на нее. Провозился с полчаса, открыл. С какой радостью вернул я ее Ильичу, когда он приехал!

Взял Ильич шкатулку, любовно погладил ее полированную поверхность, глянул на меня вприщур:

– Спасибо, товарищ Мальков, большое спасибо!..

Когда достали мы халву, я роздал ее работникам Совнаркома, ВЦИКа, Ревкома. Несколько фунтов выделил для Ильича и сам отнес к нему в комнату.

Проходит несколько часов, стук в дверь.

– Войдите!

Входит Надежда Константиновна и кладет мне на стол сверток с халвой.

– Желтышев сказал, что это вы принесли, товарищ Мальков. Спасибо большое, только нам не надо, спасибо. Хоть тут и немного, только вы поровну между всеми товарищами разделите.

– Надежда Константиновна, помилуйте, да у нас этой халвы сколько угодно, я не только вам, всем дал.

– Ну тогда иное дело. Только все равно вы ее возьмите, дайте кому-нибудь другому.

– Другому? Но почему? Быть может, Владимир Ильич не любит халвы?

– Да нет, любить-то еще как любит, только, знаете, она ведь дорогая, а у нас сейчас денег нет. Вы уж извините.

– И не просите, Надежда Константиновна. Не возьму. А о деньгах не думайте. Халва бесхозная, так что раздаем мы ее бесплатно.

Еле-еле уговорил Надежду Константиновну взять халву.

* * *

В 1917 году Ленин ездил и ходил всюду без всякой охраны. Очень меня это беспокоило. Несколько раз пытался я говорить на эту тему с Владимиром Ильичей, он только рукой махал:

– Помилуйте, батенька, только этого не доставало!

Спорить с ним было бесполезно.

Говорили с Владимиром Ильичей об охране и Яков Михайлович и Феликс Эдмундович, но и они ничего не добились. А ведь Владимир Ильич не только постоянно выезжал из Смольного, частенько под вечер он отправлялся пешком вдвоем с Надеждой Константиновной побродить по улицам, отдохнуть от нечеловеческого напряжения. Пешие прогулки, как я заметил, были излюбленным отдыхом Владимира Ильича.

В 1917 году Ленина, правда, немногие знали в лицо, портретов его еще не публиковалось, но все же мало ли что могло случиться. Когда Владимир Ильич отправлялся на очередную прогулку, на сердце у меня бывало беспокойно. Не говоря ничего Ильичу, я строго-настрого приказывал часовым не спускать глаз с него и Надежды Константиновны, когда они гуляли недалеко от Смольного, но делать это так, чтобы не попасться Ильичу на глаза. (Знал: заметит, будет сердиться.) А уж если кто чужой к ним приблизится да покажется подозрительным, тут действовать решительно, оберегая Ильича от возможной опасности.

Делать это было сравнительно легко, потому что вокруг Смольного постоянно выставались подвижные посты, которые следили, чтобы не было скопления подозрительной публики.

Однажды вечером вбегает ко мне начальник караула и докладывает, что неподалеку от Смольного собралось человек пятнадцать – двадцать, преимущественно баб, и честят на все корки Ленина. А Ильич, как нарочно, недавно отправился с Надеждой Константиновной на прогулку.

Не раздумывая долго, я послал наряд красногвардейцев. Женщин задержали и доставили в Смольный. Решил сам с ними поговорить, разобраться. Отправился было в ту комнату, куда их заперли, только едва вошел, они такой галдеж подняли, хоть святых выноси. Плюнул я в сердцах и ушел. Ладно, думаю, утром разберемся.

Наутро зашел к Надежде Константиновне. Выручайте, говорю. Задержали мы вчера возле Смольного ватагу баб. Очень нехорошо они об Ильиче отзывались, а разговаривать с ними нет никакой возможности: кричат все сразу, слова сказать не дают. Ничего у меня не получается. Может, вас, как женщину, послушают? Передавать же их прямо в 75-ю комнату неловко. Вдруг ничего серьезного нет, меня же на смех поднимут.

– Ладно, – говорит Надежда Константиновна, – ведите меня к вашим арестованным. Посмотрим.

Пошли, а там и половины задержанных нет, за ночь разбежались. Я к часовому; ты чего смотрел? А он плюется:

– Ну их к бесу, товарищ комендант. Они же бешеные. Как дверь я открыл (одна там попросила), они на меня так набросились, еле цел остался. Слава богу, не все разбежались. Нескольких, что посмирнее, успел обратно запереть.

Тем временем Надежда Константиновна – она одна к ним в комнату зашла – выходит. Смеется. Да они, говорит, просто темные обывательницы, какая тут контрреволюция? Отпустите-ка их поскорее, и дело с концом...

1 (14) января 1918 года Владимир Ильич выступал на многолюдном митинге в Михайловском манеже. Вместе с ним на митинге были Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича,

и швейцарский социалист Фридрих Платтен, сопровождавший Ленина еще при его возвращении из Швейцарии в Россию после Февральской революции.

Едва все трое сели после митинга в машину и машина тронулась, как загремели выстрелы. Платтен, мужчина рослый, здоровый, схватил Владимира Ильича за плечи, пригнул к сиденью и закрыл собственным телом. Шофер дал полный газ, и машина умчалась. Никто из пассажиров, кроме Платтена, не пострадал, да и Платтен отделался легким ранением: пуля поцарапала ему руку. Но кузов машины был прострелен в нескольких местах. Произошло это незадолго до открытия Учредительного собрания. Вот тут уж не посчитались с мнением Ильича и организовали надежную охрану, особенно когда Ильич поехал на заседание Учредительного собрания.

Охрана Смольного все эти дни находилась в полной боевой готовности. Посты были усилены, количество постов увеличено, отпуска в город сотрудникам охраны отменены. В день открытия Учредительного собрания Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома, позвонил мне по телефону и передал распоряжение Ленина: поставить всю охрану под ружье, выкатить пулеметы, самому неотлучно находиться в Смольном. Так я и не попал на открытие Учредительного собрания. И охрану Ильича в Таврическом дворце, где заседала учредилка, поручили не нам, а кому-то другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.